

Кармело Гомес: Оливер Стоун — это, по сути, итальянский кондотьер

Гомес — театральный актер, учился в Мадридской школе драматического искусства. Его кинематографическим дебютом стал фильм баскского режиссера Хулио Медема «Коровы», показанный вне конкурса на прошлогоднем Московском кинофестивале (см. «Сегодня» № 72 за 1993 год). Здесь 30-летний Кармело играл сразу три роли. Затем он снялся в следующем фильме Медема «Красная белка», в картине Хосе Луиса Гарси «Колыбельная». На Сан-Себастьянском кинофестивале в сентябре этого года в конкурсном показе были два фильма с участием Кармело, один из которых — «Считанные дни» Иманола Урибе — получил главный приз фестиваля, «Золотую ракушку».

Елена Висенс

— Какой из двух фильмов, показанных в Сан-Себастьяне, тебе самому больше нравится?

— «Следователь и смерть», конечно.

— Режиссер Гонсало Суарес снимал его в Польше?

— Да. Очень важно было поместить нас в совершенно незнакомую атмосферу, которую ни мы, ни зритель не могли идентифицировать в пространстве и времени. В Польше мы нашли совершенно безликие места, серые, странные, которые невозможно отождествить с какой-либо страной. Мне вообще кажется, что Польша — страна без личности. Ее столько раз завоевывали, разрушали. Эта безликость чувствуется в домах, в людях, в холоде. Люди здесь полны грусти и боли.

Для Суареса были важны атмосфера, движение, война, которая происходит вокруг людей, но замечающих этого. Так, итальянские кондотьеры продавали оружие, провоцировали войны и продолжали веселиться в своих замках, в то время как простые люди убивали друг друга. И ничего с тех пор не изменилось.

— Ты так считаешь?

— Знаешь, в мире есть по крайней мере три вещи, которые мне ненавистны: перенаселение планеты, ядерное оружие и средства коммуникации.

— Как же так, ты ведь работаешь в кино и на телевидении, а это и есть средства коммуникации.

— Мне кажутся страшными все великие изобретения XX века, в том числе и кино. Кинематограф обладает огромной гипнотической силой, он способен убеждать. И лжепророческие фильмы, преобладающие сейчас, могут стать грозным оружием в руках тех, кто другими средствами уже не в силах убедить народ. Политики, которым уже никто не верит, толстые, дряблые старцы с консервативной идеологией берут на вооружение кинематограф, телевидение, другие средства коммуникации, которые, по сути, превращаются из средств сообщения в средства разобщения.

— И все же ты работаешь в кино.

— Оно провоцирует на размышления: кто я, зачем живу, что делаю. Заставляет меняться меня и мою судьбу. Увы, сам кинематограф остается незбылемым: в поисках кассовых тем авторы совершенно не заботятся об уровне фильмов. Современное кино вызывает у меня глубочайшую скуку. Например, последний фильм Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы». Ну конечно, если они рождены, чтобы убивать, логично, чтобы они убивали. Но я против того, чтобы из этого делали жизненную философию. В моей стране церковь всегда имела огромную силу и манипулировала сознанием людей. Теперь ей на смену приходит кинематограф, который тоже начинает нами манипулировать. Я не верю в коллективные покаяния как способ очиститься от грехов. Убеждать человечество, что массовое покаяние и есть выход из тупика, кажется мне бессмысленным и глупым.

— Тем более что коллективного покаяния и не будет.

— Конечно, сам режиссер этого фильма будет продолжать делать гадости.

Когда я увидел, как распределились призы на фестивале в Сан-Себастьяне, мне стало стыдно. В голове не укладывается, как жюри столь высокого международного уровня, состоящее из профессионалов, может иметь столь низкие критерии оценки. Это чистейшая манипуляция, политика, в основе которой — протекционизм американского кинематографа. Когда подобное происходит при распределении «Оскаров», это понятно. Но теперь та же система перекочевывает на европейские кинофестивали, в Канны, Венецию, Берлин или Сан-Себастьян, хотя это другая культура, другая цивилизация.

— Тебе не нравится фильм «Считанные дни»?

— В нем нет ничего особенного. Картина о баскском террористе, показанная в баскском городе. Все. Чистая политика. Я вообще не понимаю, зачем нужны кино-

фестивали: если фильм хороший, его будут смотреть и так.

— Хороший — это какой?

— Я очень люблю классику. Обожаю Тарковского, хотя видел только «Иваново детство» и «Жестокое приношение». Это поэмы. Величайший режиссер. Он счастлив даже тогда, когда повествует о горе. Чем-то напоминает Бунюэля. И Бергмана.

— Если тебе так не нравится современный кинематограф, почему же ты ушел из театра?

— К сожалению, испанский театр, как, впрочем, и мировой, находится сейчас в глубочайшем кризисе, спровоцированном кризисом идеологическим. Люди приходят в театр, чтобы отдохнуть, часто для престижа: вчера я был на спектакле N, сидел в ложе рядом с М. Нужны невероятные усилия, чтобы хоть чуточку привлечь зрителя: не будь же ты куском черствого хлеба, подвигайся немного, подумай, переживай. Это сложно, поскольку театр — сплошная условность, кусок картона и несколько типов на сцене. Нужна богатая фантазия, чтобы увлечься этим. В кино проще. С помощью нескольких изображений оно переворачивает тебе нутро, и ты оказываешься в его власти. Два-три движения камеры — и ты уже в другом мире. Но здесь есть опасность удариться в чистую технику, соорудить этакий компьютерный коллаж. Надо пытаться рассказывать истории самому, а не пудрить мозги техническими совершенствами.

— Что ты думаешь о русском кино?

— Я мало что видел. Но мне всегда нравился высокий профессионализм ваших актеров. Превосходная работа, величайший труд, исходящий изнутри. Жаль только, что здесь мало знают об этом: сначала была стена, теперь — всеобщий упадок. И русская культура, которая должна была бы столько принести миру, осталась где-то на задворках.

Многие американские звезды (например, Джек Николсон) тоже очень хороши, но они имитируют самих себя. А я хочу, чтобы они искали что-то внутри, не повторяли бесцельно одну и ту же маску. Недавно мне предложили роль монаха в телесериале. Так я несколько месяцев ходил из монастыря в монастырь, изучал их жизнь, приглядывался, чтобы найти «своего» инок. Друзья смеялись: зачем, ведь можно просто вырядиться в рясу — и ты уже монах. Нет, здесь важен каждый жест, взгляд, детали. Человек, сидящий у окна и смотрящий на улицу, — картина обиденная. А ты сделай так, чтобы этот взгляд проник в тебя, потому что там, в этом взгляде, — целый мир. Утраты, желания, сны. Именно это может передать кинематограф с помощью камеры, которая приближается к лицу и заглядывает в глаза, просачивается внутрь.

— Как это сделал Медем в «Коровах».

— Да. И если это не достигается, нет хорошего кино. Мне очень нравится Энтони Хопкинс; он умеет без малейшего движения тела, одним взглядом сказать все. Очень хотелось бы поработать с таким актером, но это невозможно без знания английского.

— Но язык можно выучить.

— Да, но я никогда не смогу говорить на нем в совершенстве. Лучше остаться жить в мире крыс, чем стать львиным хвостом.

МАСКА